

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12022

EDN: DLUSZC

Манипулятивные стратегии Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»

В. Н. Степченкова

*Московский государственный областной педагогический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: st_valentina007@mail.ru

Аннотация. В романе «Бесы» представлена полифония мнений персонажей, однако агрессивно доминирующей является революционная идея Петра Верховенского, антихристианскую сущность которой показывает Достоевский. Революционный макиавеллизм находит выражение в фабуле романа, движение которой обусловлено активной деятельностью Петра Степановича, разоблачение бесовской идеи героя задает роману жанровый вектор антинигилистического романа. Повествовательные стратегии романа определяются как конечной целью Верховенского — через «потрясение» и «разложение» духовно-нравственных основ общества привести его к революции, — так и в представлении коммуникативных тактик героя на пути к этой цели. Петр Верховенский пользуется известными «рецептами» политической «кухни»: агитирует, пропагандирует, интригует, подстрекает, искушает будущими благами и т. п. И главный механизм данных деяний — это феномен психологического воздействия. Именно ввиду данного явления объясняется, каким образом «чистейших сердцем и простодушнейших людей» можно превратить в «бесов». Верховенский тонко угадывает душевный строй и нравственные запросы окружающих, изучает «живую науку людей», в результате чего вырабатывает целую систему вербальных и невербальных приемов психовоздействия, позволяющую оказывать влияние на людей разных социальных положений, характеров и стремлений. Применение методов психовоздействия можно наблюдать в его диалогах и обращенных монологах, невербальные методы психовоздействия выражаются через жесты, взгляды, тон голоса, положение тела, походку и т. д. Разнообразные методы психологического воздействия Петра Верховенского соотносимы с целым рядом мотивов отрицательной коннотации: мотивами лжи, лести, лицемерия, страха, угрозы, доноса. Прослеживается связь художественного воплощения принципов революционной тактики Петра Верховенского с положениями революционера С. Г. Нечаева, изложенными в «Катехизисе революционера» (1869), из которого Достоевский позаимствовал этические установки, интенцию к преступлению и в целом бесовский дух излагаемых героем тезисов. Рассмотрение средств психовоздействия через анализ речи и поведения Петра Верховенского не только позволяет соотнести его мысли с идейной основой указанного исторического документа, но и помогает в целостном осмыслении романа Достоевского.

Ключевые слова: психологизм, психологический прием, манипуляция, манипулятивная стратегия, революционная идея, этика, политика, эстетика, поэтика, макиавеллизм, нигилизм

Для цитирования: Степченкова В. Н. Манипулятивные стратегии Петра Верховенского в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 1. С. 91–113. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12022. EDN: DLUSZC

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2023.12022

EDN: DLUSZC

Manipulative Strategies Used by Pyotr Verkhovensky in F. M. Dostoevsky's Novel "Demons"

Valentina N. Stepchenkova

*Moscow Region State Pedagogical University
(Moscow, Russian Federation)*

e-mail: st_valentina007@mail.ru

Abstract. The novel "Demons" presents a polyphony of the characters' opinions, however, the revolutionary idea of Peter Verkhovensky, whose anti-Christian essence is revealed by Dostoevsky, is aggressively dominant. Revolutionary Machiavellianism finds its expression in the plot of the novel, which moves due to the active efforts of Pyotr Stepanovich, and the exposure of the hero's demonic idea sets its anti-nihilistic genre vector. The narrative strategies of the novel are defined both through Verkhovensky's ultimate goal — the "shock" and "decomposition" of the society's spiritual and moral foundations to lead it to a revolution — and through the presentation of the hero's communicative tactics on the way to this goal. Pyotr Verkhovensky uses the well-known "recipes" of the political "kitchen:" he agitates, propagandizes, intrigues, incites, tempts with future blessings, etc. The main mechanism of these acts is the psychological impact phenomenon. Precisely in view of this phenomenon it is explained how "the purest heart and the simplest people" can be turned into "demons." Verkhovensky skillfully guesses the others' mental structure and moral demands, studies the "living science of people," as a result of which he develops a whole system of verbal and non-verbal methods of psychological influence, which allows him to influence people of different social status, characters and aspirations. The use of psychological influence methods can be observed in his dialogues and targeted monologues, non-verbal methods of psychological influence are expressed through gestures, looks, tone of voice, body position, gait, etc. Various methods of psychological influence of Pyotr Verkhovensky are correlated with a number of motifs with a negative connotation: flattery, hypocrisy, fear, threat, denunciation. There is a connection between the artistic embodiment of the principles of Pyotr Verkhovensky's revolutionary tactics and the provisions of

the revolutionary S. G. Nechaev, which were set forth in the Catechism of a Revolutionary (1869) that lent Dostoevsky his character's ethical attitudes, the intention to commit a crime and the generally demonic spirit of the theses he presents. Consideration of the means of psychological influence through the analysis of the speech and behavior of Pyotr Verkhovensky not only allows to correlate his thoughts with the ideological basis of this historical document, but also helps in a holistic understanding of Dostoevsky's novel.

Keywords: psychologism, psychological techniques, manipulation, manipulative strategy, revolutionary ideas, ethics, politics, aesthetics, poetics, Machiavellianism, nihilism

For citation: Stepchenkova V. N. Manipulative Strategies of Pyotr Verkhovensky in F. M. Dostoevsky's Novel "Demons". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2023, vol. 21, no. 1, pp. 91–113. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12022. EDN: DLUSZC (In Russ.)

Достоевский, внимательно наблюдавший за жизнью общества, за его тенденциями и течениями, хорошо понимал происходившие вокруг социальные явления и угадывал их духовные последствия. В романе «Бесы» писатель, с одной стороны, отображает окружающую действительность в виде распространения революционных и нигилистических настроений, с другой — предостерегает и предупреждает о гибельности данного пути как для отдельных личностей, так и для общества в целом. И хотя сам Достоевский отрицал, что он психолог¹, «во всем мире чтут Достоевского — романиста, психолога, философа и проповедника» (курсив наш. — В. С.) [Захаров, 2021: 7]. Психологизм — отличительное свойство стиля романов Достоевского, данная тема не раз становилась предметом исследования творчества писателя как в прижизненной критике [Авсеенко], [Майков], так и в современной [Горностаева, Романова], [Низамутдинов], [Панкова, Шурыгина], [Де Корте], [Рябов, Романова], также изучались психолого-педагогические аспекты [Юрьева], анализировались психологические приемы, используемые писателем [Даниленко], [Романова], [Этов]. Но, несмотря на значительное количество работ, связанных с осмыслением психологизма романов

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 65. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Достоевского, — исследований, посвященных психологическому взаимодействию его героев, немного (см., напр.: [Хомрач]). Этот аспект художественного мастерства Достоевского ярко раскрывается в «Братьях Карамазовых» (в связи с образом Великого инквизитора и беседами Ивана с Алешей) и является ведущим в романе «Бесы». Писатель тонко показывает, что осуществление планов Петра Верховенского происходит при помощи своеобразной технологии психологического воздействия, которое проявляется не только в прямых разговорах, но и невербально — через тон голоса, взгляды и жесты, походку и т. д.

Л. И. Сараскина, комментируя примечания академического Полного собрания сочинений, верно отметила, что Достоевский не просто желал «дать в романе художественно-психологический анализ нечаевского дела» (ДЗ0; т. 12: 154), а хотел показать целую «психологическую механику революции» [Сараскина: 367]. П. Е. Фокин также писал: «Анализируя механизм властных взаимоотношений внутри общества, Достоевский прежде всего исследовал психологический уровень этого механизма», и в романе «Бесы» «он уделил их описанию и разоблачению достаточно внимания» [Фокин: 160]. Г. К. Щенников определил роман «Бесы» как философское исследование психологии «политического авантюризма» [Щенников, 2005: 105]. По словам Б. Н. Тихомирова, «Верховенский проверяет и обрабатывает "технологии", заодно проверяя и качество человеческого "материала", возможности и способы манипулирования "людишками"» [Тихомиров: 177]. При рассмотрении романа в аспекте психологической стороны механизма революции важной становится задача «преодолеть "психологические" трактовки, сосредоточившись исключительно на его поэтике» [Есаулов, Тарасов, Сытина: 102], и раскрыть сложный и обманный путь к осуществлению своих идей Петра Степановича Верховенского.

Феномен психологического воздействия в романе «может рассматриваться и как процесс, приводящий к изменению психологического базиса конкретной активности, и как результат (собственно изменения)» [Кабатченко: 23]. Так, Л. И. Сараскина писала по поводу романа «Бесы»: «Можно, собрав

кучку приверженцев, хитростью и обманом втянуть их в политическое убийство. Можно путем самого бесцеремонного психологического давления, манипулируя ложными идеями, заставить человека стать послушным соглашателем или даже соисполнителем в их реализации. Можно даже убедить его в необходимости и безальтернативности насилия» [Сараскина: 416].

Персонажи романа «Бесы» часто прибегают к манипуляции. Например, Степан Трофимович во время ссоры писал Варваре Петровне письма с уведомлением, что он «рѣшилса погибнуть насильственной смертью; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшить»², — таким образом Верховенский-старший пытался добиться от своего друга жалости, принятия и прощения. Варвара Петровна все понимала, научилась с этим жить и советовала Дарье:

«Повѣситься захочетъ, грозить будетъ — не вѣрь; одинъ только вздоръ!» (69).

Андрей Антонович в беспомощности перед своенравной супругой угрожал: если она не прекратит отношения с Петром Степановичем, то он выпрыгнет сейчас же на ее глазах «изъ окошка» (415). Юлия Михайловна в качестве манипуляции в отношении мужа пускала «въ-ходъ обмороки» (344) и «молчание», которое могло продолжаться до трех суток — «манера нестерпимая для чувствительнаго человѣка!», каким был Андрей Антонович (413). А чтобы не выглядеть несведущей в глазах мужа, *лгала*, что знает о готовящихся преступных замыслах (415). Лиза пыталась возбудить в Николае Ставрогине ревность и для этого приблизила к себе молодого Верховенского. Капитан Лебядкин с целью вытягивания из Ставрогина денег писал ему «дерзкія письма съ угрозами опубликовать тайну» женитьбы на Марье Тимофеевне (255) и т. д.

Все эти манипуляции создают психологический дискомфорт для субъекта, на которого направлено воздействие, но при этом не происходит нарушения этических границ по отношению

² Достоевскій Ф. М. Бѣсы. Романъ въ трехъ частяхъ // Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Т. IX. С. 16. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

к окружающим. Несмотря на то, что для каждого общества этические нормы и границы свои, Г. Мюнстерберг в книге «Основы психотехники», ставшей классикой в области психологии, выделяет основополагающий принцип психологического воздействия: недопустимость в слабых душах возникновения «импульса к преступлению» [Мюнстерберг: 140] — интенция к злодеянию является неприемлемым пределом в процессе психологического воздействия. Но в деятельности Петра Степановича мы видим явную направленность к преступлению, он четко определяет свои задачи:

«Мы провозгласимъ разрушеніе... <...> Мы пустимъ пожары...» (397).

Этическая сторона в действиях Верховенского во многом коррелирует с «Катехизисом революционера» С. Г. Нечаева. По словам Б. Н. Тихомирова, деятельность Петра Степановича — это «наглядная демонстрация принципов революционной этики» [Тихомиров: 175], изложенных в документе. Анализ отношений Петра Степановича с его окружением раскрывает не только внутренний мир Верховенского, но и выявляет мотивы других персонажей романа, помогает в понимании авторской концепции и механики революционных движений. Как заметила М. А. Шалина, «именно через действующих лиц и их взаимосвязи реализуется сюжет, воплощается проблематика, автор доносит свою идею» [Шалина: 211].

Один из пунктов «Катехизиса» призывает вступать в отношения с высокопоставленными личностями, «пользуясь по положению богатством, связями, влиянием и силою»³. Таким образом, одна из первых, кто попадает в поле зрения Верховенского, — это Юлия Михайловна, на которую молодой человек приобрел «до странности сильное вліяніе» (307), «безъ котораго въ послѣднее время и ступить не могла» (440), «глядѣла на него какъ на оракула» (463). Также у каждого революционера должен быть человеческий «капитал», состоящий из

³ Текст цитируется по изданию: Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под. ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 246.

нескольких «революционеров второго и третьего разрядов»⁴ — в романе это была «пятерка», над которой Верховенский взял такую власть, что члены кружка понимали: Верховенский «играет ими какъ пѣшками», «злились, но тряслись отъ страху» (517). Липутину захватывало дух от обиды при общении с Петром Степановичем, но при этом он знал, что по приказанию Верховенского «непремѣнно "какъ рабъ" будетъ завтра же первымъ на мѣстѣ, да еще всѣхъ остальныхъ приведесть» (518). Влияние Верховенского распространялось на разные направления, следуя установке, «что революционеры должны проникнуть всюду, во все высшія и средніе <сословія>»⁵, в итоге про Петра Степановича будет сказано, что «мучениковъ было у него не мало, какъ и оказалось въ послѣдствіи» (293).

Зачастую психологическое воздействие является сложным процессом, включающим комплекс содержательных единиц: цели и задачи главного коммуникатора психологического воздействия, состав и последовательность действий, психологические особенности реципиентов психовоздействия, структуру взаимосвязей и отношений между субъектами, внешние условия и самое главное — средства психологического воздействия. Воплощение своей цели «систематическаго потрясенія основъ» общества (627) Петр Степанович начал с организационного аспекта: собирал «нашихъ» и тем самым обеспечивал контакт, управление и внушение своей «пятерке» определенных идей. Важным для него было непосредственное вовлечение своих адептов в деятельность: беспорядки в городе — «Городъ нашъ третировали они какъ какой-нибудь городъ Глуповъ» (304), скандалы на литературном вечере и на балу Юлии Михайловны, пожары, убийство Шатова. Также Петр Степанович придерживался определенного алгоритма и прежде чем убить Шатова, последовательно исполнил ряд психологических задач: сформировал отрицательный образ Шатова, зафиксировал на нем внимание, подогрел возбуждение, аргументировал необходимость убийства и организовал его. Методично продвигаться к своей конечной цели Петр Степанович мог за счет использования **средств психологического воздействия**.

⁴ Катехизис революционера. С. 245.

⁵ Катехизис революционера. С. 246.

Одно из эффективных средств психологического влияния, с которого начал Верховенский, — это создание собственного **ложного образа** в глазах окружающих. «Катехизис» гласит, что революционер должен «жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что он есть»⁶. Таким образом, молодой человек моделирует различные представления в отношении себя и своего дела, постепенно формирует подчинительную позицию других к себе, вырабатывает послушание «пятерки» и не только. Вначале Верховенский приехал «съ чрезвычайно почтенными рекомендательными письмами» от значительного старичка графа К. (204), тем самым произвел положительный эффект на Юлию Михайловну: она считала, что так будут подкрепляться ее «скудные» связи с высшим светом (хотя на самом деле Петр Степанович имел косвенное отношение к графу К. и получил письмо через Ставрогина). Далее он пользовался знакомством уже с самой Юлией Михайловной для придания себе значимости:

«...я съ письмами Юліи Михайловны и долженъ тамъ обѣгать трехъ-четырехъ знаете какихъ лицъ» (588).

В зависимости от поставленных задач Петр Степанович умел произвести совершенно противоположные впечатления. Например, на встрече у Варвары Петровны он представился в самом непосредственном виде и объяснял потом: если быстро и много говорить, а под конец и окончательно спутаться, то можно уверить «въ своемъ простодушіи» и «Помилуйте, кто послѣ этого станетъ васъ подозрѣвать въ таинственныхъ замыслахъ» (212). Так и вышло: даже после всех бесчинств в городе его воспринимали как «болтливаго студента съ дырой въ головѣ» (507). Но при этом на Юлию Михайловну Верховенский сумел произвести совершенно иной эффект, губернаторша говорила:

«...онъ со способностями и говоритъ иногда чрезвычайно умныя вещи» (301).

⁶ Катехизис революционера. С. 246.

Чтобы установить рабски-покорные отношения в своей «пятерке», Петру Степановичу было особенно важно представиться перед ними человеком со связями и властью:

«...всѣ они принимали тогда Петра Степановича за прїѣхавшаго заграничнаго эмисара, имѣющаго полномочія» (369).

Он внушал, что его деятельность весома, уверял «нашихъ» в существовании множества «пятерок», разбросанных по всей России, и доказывал, что «солдатъ на общее дѣло является все больше и больше съ каждымъ днемъ» (384). Неоднократно говорил о том, что они «всего лишь одинъ узелъ безконечной сѣти узловъ и обязаны слѣпымъ послушаніемъ центру» (512). Любил создать иллюзию полного контроля над окружающими и заявлял: «Не безпокойтесь, господа, я всѣ ваши шаги знаю» (513), и другие подтверждали:

«...этотъ Верховенскій такой человѣчекъ, что можетъ-быть насъ теперъ подслушиваетъ, своимъ или чужимъ ухомъ, въ вашихъ же сѣняхъ, пожалуй» (233).

Посредством созданных образов ситуаций Верховенский повышал свою значимость, презентовал себя то уполномоченным и со связями, то бездарным или, напротив, со способностями. Через все эти манипуляции он имел воздействие на окружающих, мог выстраивать необходимые модели поведения, в результате которых его слушались, заискивали, советовались, боялись, восхищались — в зависимости от поставленных им задач.

Одним из средств взаимодействия с людьми для Верховенского (а вместе с этим и способом влияния) была его работа по **удовлетворению потребностей** тех из них, из которых потом можно извлечь «наибольшую пользу»⁷. Для этого Верховенский наблюдал за окружающими и тонко подмечал их настроение, желания и стремления. При первом своем появлении на встрече у Варвары Петровны молодой человек понял крайнюю потребность Ставрогиной в разъяснении поведения ее сына:

«...онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста» (180), —

⁷ Катехизис революционера. С. 245.

чем моментально приобрел ее расположение. Когда взволнованная женщина заговорила об анонимных письмах, Петр Степанович ее тут же уверил:

«...я вамъ ихъ розыщу, будьте покойны» (186).

Обещанием найти анонимщика Верховенский успокаивал и недоумевающего фон Лембке. Предлагал Андрею Антонovichу секретную информацию о доносе Шатова и обнадеживал его благодарностью от правительства. Зная жажду признательности Юлии Михайловны, он подкупил ее «грубѣйшею лестью» (327). Также Верховенский стремился узнать интересы Ставрогина:

«Скажите чего вы хотите, я сдѣлаю» (392).

Г. И. Егоренкова так же замечает: «Петр Степанович хочет "зацепить" Ставрогина <...> соблазном новых падений и бездн, но Ставрогин остается равнодушен к поистине титаническим усилиям своей "обезьяны"» [Егоренкова: 490]. Федьку Каторжного Петр Степанович желал подкупить заурядными обещаниями и спрашивал, хочет ли он «имѣть вѣрный паспортъ и хорошія деньги» (525). Нужды могли быть разными: от насущных до нематериальных, выраженных в возможности реализации своих «склонностей, интересов, идеалов, убеждений, чувств» [Кабатченко: 275], что может являться зачастую движимым мотивом поведения и главным источником активности. Так и в «пятерку» каждый вступил в надежде личной реализации: Шигалев и Толкаченко нуждались в высказывании своих идей и взглядов (первый уверен был в верности и в востребованности своей теории, второй считал себя непризнанным знатоком народа). Про бóльшую часть «пятерки» мы узнаем, когда они еще были членами кружка Степана Трофимовича, что в дальнейшем многое объясняет. Принятие и признание находил в данной компании Липутин, ведь «въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали», но в кружке «любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость» (31). Виргинский был бедным семьянином, про него сказано:

«...отводиль у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ» (34).

Лямшин был случайным гостем, но вдруг обнаружил неожиданный спрос на свое шутовство: все «покатывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ сталъ человѣкомъ» (307). Для многих была удивительна причастность к делу Верховенского молчаливого белокурого мальчика с детскими глазами Эркаля, но хроникер объясняет и его позицию:

«Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, малоразсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ натуры» (539).

В итоге он «преклонился предъ Петромъ Степановичемъ» (509). Таким образом, «регулирование уровня удовлетворения потребностей "других"» является одним из средств психологического воздействия [Кабатченко: 330]. В добавление к этому Петр Верховенский формировал в своей «пятерке» новые идеалы, убеждения и ценности, запуская **процесс смыслообразования**. Создавая новые цели, Петр Степанович генерирует квазипотребности («откровеннымъ правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь» (366)) и задает новую перспективу, суть которой — это возможность «человѣчеству на просторѣ самому социально устроиться и уже на дѣле, а не на бумагѣ» (385), ведь нет важнее цели, чем добиться «полнейшего освобождения и счастья народа <...> путем всесокрушающей народной революции»⁸. Петр Степанович убеждал, что его последователи будут сопричастниками в построении нового мира. После убийства Шатова Верховенский внушал значимость произошедшего:

«...вы должны ощущать ту свободную гордость которая сопряжена съ исполненіемъ свободнаго долга» (568).

Петр Степанович вкладывал высшие смыслы в свои идеи, заверял о гарантированности достижения целей и благ в рамках его программы.

Одной из сложных форм психологического воздействия является **аргументирование** — убедительное, доказательное, логическое объяснение ситуаций, поступков и мотивов, в результате которого создавалась траектория действий персонажей

⁸ Катехизис революционера. С. 247.

в нужном для Петра Степановича русле. Верховенский вразумительно пояснил Андрею Антоновичу, почему нельзя прежде времени сдавать Шатова: «...пошевелите раньше — гнѣздо разлетится» (338). Когда Юлия Михайловна попробовала обвинить Верховенского в беспорядках на ее литературном вечере, то Петр Степанович последовательно доказал свою непричастность (466). «Пятерке» молодой человек достоверно объяснил произошедшие убийства:

«...дѣло случая, сдѣлано Ѳедькой для грабежа» (511).

Он убедительно оправдал Ставрогина:

«Юридически вы совершенно правы, по совѣсти тоже» (495).

Ловко оперировал письмами Шатова и Лебядкина, доказывая свою псевдоправоту. Объяснял выгоду принятия на себя Кирилловым убийства Шатова:

«Это будетъ очень вѣроятно: они были друзьями и вмѣстѣ ѣздили въ Америку, тамъ поссорились» (515).

На протяжении всего романа Петр Степанович суетится, чтобы объяснить, вразумить, сориентировать на рациональное осмысление спорных ситуаций, повысить значимость используемых аргументов, и почти во всех случаях его задумки удаются. В конечном итоге хроникер заключает: три месяца спустя после всех событий «Петра Степановича иные считаютъ чуть не за генія, по крайней мѣрѣ "съ геніальными способностями". "Организація-съ!" — говорятъ въ клубѣ, подымая палець кверху» (630).

Другое часто используемое Верховенским средство психологического воздействия — это **демонстрация несостоятельности** того или иного персонажа: на полученном эмоциональном фоне легче оказывать влияние, так как происходит психологическая дестабилизация, вследствие чего формируется особая податливость реципиента к дальнейшему внушению и руководству. При первом своем появлении у Варвары Петровны Верховенский без особого труда дискредитировал Лебядкина. В итоге капитан заключил:

«...вы жестоко со мной поступали» (187).

На этом же собрании Петр Степанович представил отца в неблагоприятном свете, открыв конфиденциальное содержание его письма и тем самым расстроив их двадцатилетнюю дружбу с Варварой Петровной (далее будет следовать авторский комментарий, что у Петра Степановича были «замыслы на родителя» и «онъ разсчитываль довести старика до отчаянїя и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ» (293)).

По отношению к Андрею Антоновичу он проявил подобное:

«...молодой Верховенскій съ перваго шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность» (297).

Юлию Михайловну взволновал сообщением, что ее хотят сменить из Петербурга, и «сюда назначень сенаторъ» (467). Шатову создал все условия на собрании «у нашихъ», чтобы он себя скомпрометировал, — неслучайно Ставрогин потом подметил: «...вы отлично выгнали Шатова» (391).

Неоднократно говорится о крайне пренебрежительном отношении Петра Степановича к своей «пятерке»: «...третироваль ихъ съ замѣчательною строгостью и даже небрежностью» (370), «непростительно» опаздывал, на важные вопросы «пятерки» отвечал: «Ахъ чортъ возьми, и безъ васъ много дѣла!» (513). Все его действия указывали на то, «что слишкомъ много чести такъ убѣждать и такъ возиться съ такими людишками» (516), чем очень их обижал. Иногда Петр Степанович выходил на откровенные оскорбления (500). Липутину прямо высказывал:

«Тѣмъ презрѣннѣе для васъ что вы не вѣря дѣлу <...> бѣжите теперь за мной какъ подлая собаченка» (520).

Демонстрацией своего небрежного отношения к товарищам Верховенский создавал предпосылки для их удрученного душевного состояния, которое вызывало в адресатах психологическую податливость и способствовало дальнейшему продвижению Петра Степановича к его намеченной цели.

Все эти средства психологического воздействия (создание собственного ложного образа, удовлетворение потребностей других, смыслообразование, аргументация, демонстрация

несостоятельности) относятся к сложным формам психологических «хитростей». Но есть и ряд достаточно грубых и примитивных манипулятивных приемов, которыми также не пренебрегал Петр Степанович. Верховенский приводил собеседника в замешательство, **приписывая ему слова**, которые тот не говорил, тем самым направляя разговор в свое русло. Например, он обращается к Ставрогину: «Вы, кажется, сказали: "все равно"?» (213), но тот ничего не говорил. Аналогично выстроен и его диалог с Виргинским:

- «— Но? спросилъ Петръ Степановичъ.
- Чтò *но*?
- Вы сказали *но*... и я жду.
- Я, кажется, не сказалъ *но*...» (516).

Многочратно Верховенский **угрожал** (258, 359, 390, 500, 508, 514, 527) и выставлял «грубый страхъ и угрозу собственной шкурѣ» (517). Т. П. Баталова справедливо подчеркнула, что убийство Шатова было лишено политичности и идейности: «Члены "пятерки" убивают Шатова из страха, что он сообщит об их деятельности властям, т. е. оберегали себя» [Баталова: 269]. Верховенский **искажал смысл слов, играл со словами** или открывал лишь «уголокъ» правды (581), что также являлось средством манипуляции. Например, на слова Шатова, что тот «прямо отказался» от деятельности в «пятерке», Верховенский лукаво заключает:

- «...не прямо <...> "Не могу" не значить "не хочу"» (358; курсив наш. — В. С.).

Он задавал вопросы на собрании «у нашихъ» «*страннымъ образомъ*», неопределенно, но ужасно заманчиво, — при этом отвечающий тут же компрометировал себя (386).

Его сознание лукаво и подвижно, он видит и задействует сразу несколько смыслов слов. Так, например, Верховенский считает, что слово «паркъ», столь неопределенно помещенное в записке Кириллова, всех собьет с толку (625). Он **обманывал** (334, 355, 517), **льстил** и говорил «сладкія вещи» (215, 299, 327, 334, 338, 464, 572, 586 и др.), **упрекал и обвинял**, например, отца: «...въ какое же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? <...>

Что ты надѣлалъ со мной» (196–197); упрекал Кириллова: «вспомните что вамъ собрали сто двадцать талеровъ на дорогу» (355); укорял «пятерку»: «...съ какой стати вы изволили зажечь городъ безъ позволенія» (512).

Любил Верховенский **играть разные роли**: на встрече у Варвары Петровны «хотѣлъ было взять дурачка, потому что дурачокъ легче чѣмъ собственное лицо» (212); притворялся, что «фанатически» предан Юлии Михайловне (302); входя к «нашимъ», сочинял «физиономию» (366) и т. д.

Придумывал роли и другим: представил Эркеля на собрании в роли ревизора (371), — и вообще нарочно выдумывал «чины и должности» (364). Пытался влиять и **личным примером**: «Я дѣйствую по инструкціи центрального комитета, а вы должны повиноваться» (520). Но в данном контексте исключался «феномен взаимного нравственного совершенствования участников общения» [Киселева, Сахарчук: 156], так как ссылка на центральный комитет являлась фальшью, и Верховенский преследовал сугубо личные интересы.

Одним из ярких средств психологического влияния в арсенале Петра Степановича являлся **невербальный метод воздействия** на собеседников. С. П. Пухачев отмечает, что для более основательного анализа героев в литературном произведении «"цена" движения возрастает. Самые, казалось бы, естественные жесты <...> могут, тем не менее, нести дополнительный смысл, "участвовать" в характеристике персонажа» [Пухачев: 270], сюда могут входить тембр голоса, позы, жесты, взгляды, тон и быстрота речи и др. Эффект в этом случае рассчитан на создание эмоциональной реакции, придание новых смыслов ситуациям и словам. Т. С. Кабатченко отмечает, что «возможность невербальных компонентов выражать, обозначать, <...> воздействовать на чувства, вызывать образ, служит средством отреагирования и составляет основу тех психологических эффектов, которые возникают при их использовании в целях воздействия» [Кабатченко: 171].

Так, будучи на собрании «у нашихъ» Верховенский всячески показывал свое безразличие и пренебрежение ко всему происходящему. Это выражалось в поведении, жестах, положении тела: он «замѣчательно небрежно *развалился* на стулѣ

въ верхнемъ углу стола, почти ни съ кѣмъ не поздоровавшись» (372), демонстративно *потягивался* на стуле, «зѣвая» во время важного для всех вопроса: «засѣданіе, или, просто, мы собраніе обыкновенныхъ смертныхъ» (376), попросил ножницы, «*безмятежно разсматривая свои длинные и нечистые ногти*» (379), при этом «Арина Прохоровна поняла что это реальный пріемъ» (380).

В другой раз, возлагая на Липутина обязательство отпечатать прокламации и предполагая несогласие, Петр Степанович действовал «*твердо*», «*самоувѣренно*», говорил «ужасно *хладнокровно*» и в итоге «*грозно прогремѣлъ*», «*засверкавъ глазами*» (520), — вся кинесика его тела указывала на невозможность возражения.

В роковой для Кириллова вечер Петр Степанович вошел к нему «*злбный и задорный*», «улыбнулся онъ *обидно покровительственной улыбкой*», говорил «со *скверною шутливостью*» (571) — все демонстрировало неотвратимость исполнения Алексеем Нилычем задуманного самоубийства. Когда Петр Степанович замечает неуверенность в Кириллове, то весь язык тела Верховенского начинает выдавать страх, что его план сорвется. Он меняется, слова сопровождаются такой паралингвистической характеристикой, как «*вздогнулъ*», «*отчеканилъ*», «*вскинулся*», «*позеленѣлъ*», прибегает к излюбленному средству — угрозе, только уже выраженной не на словах, а через положение тела и жесты: «Петръ Степановичъ *сталъ въ позицію и навелъ свое оружіе* на Кирилова» (573). Но потом Верховенский решает изменить тактику и возбудить Кириллова иначе. Он «*закурилъ папиросу*» (575) и с «*натуральнымъ простодушіемъ*» (576) завел речь о философии Кириллова: «...никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы-то богъ» (577). Данный прием подействовал, и в состоянии аффекта Алексей Нилыч написал все, что Верховенский требовал. Петр Степанович оказывает психологическое воздействие не только языковыми средствами, но и использует жестовые, интонационные, различные несловесные приемы, решает конкретные коммуникативные задачи, ведет «игру», создавая предпосылки для ожидаемой реакции собеседника и побуждая на определенные действия.

Выбранные средства психологического воздействия представляют Петра Степановича лицом крайне безнравственным в понимании Достоевского, для которого главными чертами в человеке были «прямодушие, честность, сердечная веселость, чистота, великодушие, чувства, добрые желанья» [Захаров, 2018: 4]. Но при этом Достоевский также наделяет своего персонажа «проницательностью и гениальностью» [Захаров, 2018: 4]: будучи деятельной и сведущей стороной в процессе психологического воздействия, Верховенский тонко чувствовал, когда подобное воздействие направлялось непосредственного на него, и не терпел подобного посягательства. Например, Ставрогину говорил: «...можете меня презирать сколько угодно, если вамъ такъ смешно, но <...> безъ личностей», — на что Николай Всеволодович не стал возражать: «Хорошо, я больше не буду» (219). В словах фон Лембке Верховенский уловил скрытый контроль: «Вы, Андрей Антонович, меня, какъ вижу, экзаменуете?» (333); зайдя к «нашимъ» Петр Степанович «видь имѣль злой, строгій и высокомѣрный», так как «тотчасъ же замѣтилъ по лицамъ что "бунтуютъ"» (510). Верховенский ценил свою психологическую свободу.

Рассмотренный ряд средств психологического воздействия в романе «Бесы» во многом образует психологический рисунок произведения и раскрывает не только сущность Верховенского, для которого «нравственно все, что способствует торжеству революции»⁹, но и в целом проблематику романа. «Достоевский глубоко раскрыл механизм внутренней связи, на которой держится власть политического интриганта над душами людей, вовлеченных в его авантюру» [Щенников, 1987: 264]. Он осуществил это через технологию психологической манипуляции, цели которой — внедрение революционных идей, дестабилизация нравственных основ общества, создание всеобщего беспорядка и смуты.

К приемам психологического воздействия прибегают разные персонажи романа Достоевского, но в большинстве своем они действуют интуитивно и преследуют личные эгоистические цели, при этом не нарушая этических границ окружающих. Но Петр Степанович Верховенский акцентированно

⁹ Катехизис революционера. С. 244.

стремится к реализации кровавого плана не только своими силами, но и чужими руками. Не допуская психологическое воздействие в отношении себя, к окружающим Верховенский активно применяет различные средства психовлияния вплоть до самых грубых и низких. Манипуляционная тактика Петра Степановича во многом коррелирует с принципами С. Г. Нечаева, изложенными в его программном документе. По словам Б. Н. Тихомирова, «при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что *действует* Петр Степанович в романе так, как будто последовательно, пункт за пунктом, осуществляет положения нечаевского "Катехизиса..."» [Тихомиров: 171].

Достоевский беспощадно развенчивает не просто нечаевцев, а целую революционную тенденцию: после публикации «Бесов», по мнению В. Н. Захарова, «все понимали, кого Достоевский нарек бесами» [Захаров, 2013: 353]. Исповедование революционного макиавеллизма, предполагающего полное отрицание христианской нравственности, беспринципные методы психологического воздействия, нарушающие этические границы личности, посягающие на его психологическую безопасность, несущие духовную угрозу человеку и государству, характеризуют вскрытую Достоевским бесовскую сущность революционного движения.

Список литературы

1. Авсеенко В. Г. Общественная психология в романе «Бесы», роман Федора Достоевского. В трех частях // Русский вестник. СПб., 1873. № 8. 18 авг. С. 798–833.
2. Баталова Т. П. Поэтика завершения в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 1. С. 260–275 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1583139104.pdf (01.12.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7502
3. Де Корте П. Психология подполья: Ницше, Достоевский и проблема нигилизма // «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского в культуре Европы и Америки. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 234–252. DOI: 10.22455/978-5-9208-0668-0-234-252
4. Даниленко О. Д. Приемы психологического анализа в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 22–26.

5. Горностаева С. А., Романова Г. И. Мережковский о психологии и психологизме в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 3 (39). С. 27–34 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2020/10/21/d-s-merezhkovskij-o-psihologii-i-psihologizme-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo> (01.12.2022). DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.03
6. Егоренкова Г. И. Проблема общественной психологии в романе Достоевского «Бесы»: трагедия Николая Ставрогина // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1978. Т. 37. № 6. С. 483–496.
7. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. 336 с.
8. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с.
9. Захаров В. Н. Кто гений, кто Шекспир? Из антропологических открытий Достоевского // Русская словесность. 2018. № 2. С. 3–8.
10. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Известный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (01.12.2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
11. Кабатченко Т. С. Методы психологического воздействия. М: Педагогическое общество России, 2000. 544 с.
12. Киселева И. А., Сахарчук Е. С. Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 150–169 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633680870.pdf (01.12.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982
13. Майков В. Н. Критические опыты (1845–1847). СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1891. 736 с.
14. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. СПб.: Алетейя, 1996. 351 с.
15. Низамутдинов Т. М. Особенности психологизма в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Terra scimus: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. Вып. IV. С. 25–28.
16. Панкова Л. И., Шурыгина С. Специфика психологического романа (по произведению Ф. М. Достоевского «Подросток») // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2007. № 8. С. 65–70.
17. Пухачев С. Б. Кинеситические наблюдения над романом Ф. М. Достоевского «Бесы» // Достоевский и современность. XX Международные Старорусские чтения: мат-лы XX Междунар. Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород: Научно-культурный центр Дома-музея Ф. М. Достоевского, 2006. С. 269–287.
18. Романова Е. С. Психологические приемы описания героев в произведениях Ф. М. Достоевского // Системная психология и социология. 2019. № 3 (31). С. 55–67. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.06

19. Рябов В. В., Романова Е. С. Психологические аспекты в творчестве Ф. М. Достоевского. М.: Московский гор. пед. ун-т, 2007. 176 с.
20. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
21. Тихомиров Б. Н. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 3 (7). С. 162–178 [Электронный ресурс]. URL: <https://dostmirkult.ru/ru/arkhiv/59-3-2019/517-katekhizis-revoljucionera-sergeya-nechaeva-istoricheskij-dokument-i-ego-rol-v-tvorcheskoj-istorii-romana-besy> (01.12.2022). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178
22. Фокин П. Е. Достоевский: перепрочтение. СПб.: Амфора, 2013. 287 с.
23. Хомрач А. А. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы»: взгляд современного психолога на психологическое воздействие в революционных группах // Text. Literary Work. Reader: Materials of the IV International Scientific Conference on May 20-21, 2017. Prague, 2017. № 31. С. 106–109.
24. Шалина М. А. Антропологическая проблематика творчества Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 1. С. 209–220 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (01.12.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044
25. Щенников Г. К. Специфика изображения социальной психологии в романе «Бесы» // Достоевский и русский реализм. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 263–285.
26. Щенников Г. К. История русской литературы XIX века (70–90-е годы). М.: Высшая школа, 2005. 384 с.
27. Этов В. И. Приемы психологического анализа в романе «Преступление и наказание»: к 100-летию выхода романа // Вестник Московского университета. Филология. 1967. № 3. С. 3–13.
28. Юрьева О. Ю. Феномен детского лидерства в осмыслении Ф. М. Достоевского: психолого-педагогический аспект // Педагогический Имидж. 2020. Т. 14. № 1 (46). С. 4–19. DOI: 10.32343/2409-5052-2020-14-1-4-19

References

1. Avseenko V. G. Public Psychology in the Novel “The Demons”, a Novel by Fyodor Dostoevsky. In Three Parts. In: *Russkiy vestnik*. St. Petersburg, 1873, no. 8, pp. 798–833. (In Russ.)
2. Batalova T. P. The Poetics of Completion in the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 260–275. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1583139104.pdf (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7502 (In Russ.)
3. De Korte P. Psychology of the Underground: Nietzsche, Dostoevsky and the Problem of Nihilism. In: “*Zapiski iz podpol’ya*” F. M. Dostoevskogo v kul’ture Evropy i Ameriki [“Notes from the Underground” of F. M. Dostoevsky in the

- Culture of Europe and America*]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, pp. 234–252. DOI: 10.22455/978-5-9208-0668-0-234-252 (In Russ.)
4. Danilenko O. D. Techniques of the Psychological Analysis in F. M. Dostoevsky's Novel "Humiliated and Insulted". In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State University for the Humanities Named After M. A. Sholokhov. Philological Sciences], 2011, no. 4, pp. 22–26. (In Russ.)
 5. Gornostaeva S. A., Romanova G. I. D. S. Merezchkovsky on Psychology and Psychologism in F. M. Dostoevsky's Works. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2020, no. 3 (39), pp. 27–34. Available at: <https://vestnik-filologiya-lingvodidaktika.mgpu.ru/2020/10/21/d-s-merezchkovskij-o-psihologii-i-psihologizme-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo> (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.25688/2076-913X.2020.39.3.03 (In Russ.)
 6. Egorenkova G. I. The Problem of Social Psychology in Dostoevsky's Novel "The Demons": the Tragedy of Nikolay Stavrogin. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literaturny i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1978, vol. 37, no. 6, pp. 483–496. (In Russ.)
 7. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo* [Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p. (In Russ.)
 8. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 465 p. (In Russ.)
 9. Zakharov V. N. Who Is a Genius, Who Is Shakespeare? From the Anthropological Discoveries of Dostoevsky. In: *Russkaya slovesnost'*, 2018, no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
 10. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)
 11. Kabatchenko T. S. *Metody psikhologicheskogo vozdeystviya* [Methods of Psychological Influence]. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2000. 544 p. (In Russ.)
 12. Kiseleva I. A., Sakharchuk E. S. The Idea of Kindred Love in F. M. Dostoevsky's "The Raw Youth". In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 150–169. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633680870.pdf (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982 (In Russ.)
 13. Maykov V. N. *Kriticheskie opyty (1845–1847)* [Critical Experiments (1845–1847)]. St. Petersburg, Tipografiya N. A. Lebedeva Publ., 1891. 736 p. (In Russ.)

14. Myunsterberg G. *Osnovy psikhotehniki* [Fundamentals of Psychotechnics]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1996. 351 p. (In Russ.)
15. Nizamutdinov T. M. Features of Psychologism in the Novel by F. M. Dostoevsky's "Crime and Punishment". In: *Terra scimus: sbornik statey* [Terra Scimus: Collection of Articles]. Barnaul, Altai State University Publ., 2022, issue 4, pp. 25–28. (In Russ.)
16. Pankova L. I., Shurygina S. The Specificity of the Psychological Novel (Based on the Work of F. M. Dostoevsky "The Adolescent"). In: *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Penza State Pedagogical University Named After V. G. Belinsky. Humanities], 2007, no. 8, pp. 65–70. (In Russ.)
17. Pukhachev S. B. Kinesthetic Observations on the Novel by F. M. Dostoevsky "The Demons". In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy XX Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 2005 goda* [Dostoevsky and Modernity: Proceedings of the 20st International Staraya Russa Conference of 2005]. Novgorod the Great, Nauchno-kul'turnyy tsentr Doma-muzeya F. M. Dostoevskogo Publ., 2006, pp. 269–287. (In Russ.)
18. Romanova E. S. Psychological Techniques for Describing the Characters in F. M. Dostoevsky's Works. In: *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* [Systems Psychology and Sociology], 2019, no. 3 (31), pp. 55–67. DOI: 10.25688/2223-6872.2019.31.3.06 (In Russ.)
19. Ryabov V. V., Romanova E. S. *Psikhologicheskie aspekty v tvorchestve F. M. Dostoevskogo* [Psychological Aspects in the Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Moscow City Teacher Training University Publ., 2007. 176 p. (In Russ.)
20. Saraskina L. I. "Besy": roman-preduprezhdenie ["The Demons": a Warning Novel]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
21. Tikhomirov B. N. Sergey Nechaev's "A Revolutionary's Catechism". A Historical Document and Its Role in the Creative History of "The Demons". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2019, no. 3 (7), pp. 162–178. Available at: <https://dostmirkult.ru/ru/arkhiv/59-3-2019/517-katekhizis-revoljutsionera-sergeya-nechaeva-istoricheskij-dokument-i-ego-rol-v-tvorcheskoj-istorii-romana-besy> (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-3-162-178 (In Russ.)
22. Fokin P. E. *Dostoevskiy: pereprochtenie* [Dostoevsky: Rereading]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2013. 287 p. (In Russ.)
23. Khomrach A. A. The Novel by F. M. Dostoevsky "The Demons": a Modern Psychologist's View of the Psychological Impact in Revolutionary Groups. In: *Text. Literary Work. Reader: Materials of the IV International Scientific Conference on May 20–21, 2017*. Prague, 2017, no. 31, pp. 106–109. (In Russ.)
24. Shalina M. A. Anthropological Problems of F. M. Dostoevsky's Creativity. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, vol. 19, no. 1, pp. 209–220. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612794351.pdf (accessed on December 1, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9044 (In Russ.)

25. Shchennikov G. K. The Specifics of the Image of Social Psychology in the Novel “The Demons”. In: *Dostoevskiy i russkiy realizm [Dostoevsky and Russian Realism]*. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1987, pp. 263–285. (In Russ.)
26. Shchennikov G. K. *Istoriya russkoy literatury XIX veka (70–90-e gody) [History of Russian Literature of the 19th Century (70–90s)]*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 384 p. (In Russ.)
27. Etov V. I. Methods of Psychological Analysis in the Novel “Crime and Punishment”: to the Occasion of the 100th Anniversary of the Publication of the Novel. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]*, 1967, no. 3, pp. 3–13. (In Russ.)
28. Yur’eva O. Yu. The Phenomenon of Child’s Leadership in Comprehending F. M. Dostoevsky: a Psychological-Pedagogical Aspect. In: *Pedagogicheskiy Imidzh [Pedagogical Image]*, 2020, vol. 14, no. 1 (46), pp. 4–19. DOI: 10.32343/2409-5052-2020-14-1-4-19 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Степченкова Валентина Николаевна - *Valentina N. Stepchenkova*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, Senior Lecturer at the старший преподаватель кафедры Department of Russian Classical русской классической литературы, Literature, Moscow State Regional Московский государственный об- Pedagogical University (ul. Fridrikha- lastnoy педагогический универси- Engel’sa 21/3, Moscow, 105005, Rus- тет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, sian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-6316>; e-mail: str. 3, г. Москва, Российская Феде- org/0000-0001-5327-6316; e-mail: рация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5327-6316>; e-mail: st_valentina007@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.12.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2023

Принята к публикации / Accepted 16.01.2023

Дата публикации / Date of publication 14.02.2023